

Иван Панаев

**Петербургский литературный
промышленник**

Иван Иванович Панаев

Петербургский литературный промышленник

«– Э! помилуйте, какие литературные промышленники, – перебил я моего знакомого... (Мой предшествовавший с ним разговор не может быть интересен читателям, и потому я не сообщаю его). – Что вы разумеете под литературным промышленником? Все издатели газет и журналов, по-вашему, литературные промышленники, потому что все они рассчитывают на возможно большее число подписчиков и увлекают их перед подпиской различными заманчивыми объявлениями, разумеется, в надежде больших барышей...»

**Иван Иванович Панаев
Петербургский литературный
промышленник[1]**

Иван Иванович Панаев (1812—1862), издававший вместе с И. А. Некрасовым журнал «Современник», печатал в нем свои повести и ежемесячный фельетон «Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта». Недруги «Современника» пытались опорочить И. И. Панаева, снизить общественное значение его деятельности, но Н. Г. Чернышевский встал на его защиту, говоря, что И. И. Панаев «смотрел на дело, которому посвятил жизнь, серьезнее, чем многие думают».

И. И. Панаев отводил фельетону важное место в журналистике. «Я люблю умную шутку, остроумное слово, — писал он, — я всегда с наслаждением читаю живой, игривый и колкий фельетон». Вместе с тем И. И. Панаев резко отзывался о тех фельетонистах, под пером которых «вся литература превращается в фельетон, добровольно отказывается от собственного высокого призвания и значения, от высокой цели искусства, когда она служит только одним пустым развлечением, одною забавою праздного любопытства».

Ежемесячное фельетонное обозрение Панаева обычно состояло из двух-трех фельетонов на различные современные темы, после которых печаталась текущая информация о петербургской жизни, шли заметки о заседаниях общества, выставках, театральных премьерах, концертах и т. д. При подготовке «Петербургской жизни» к отдельному изданию в 1860 г. все эти прибавления были сняты.

Фельетон «Петербургский литературный промышленник» из этого обозрения бичует известного издателя А. А. Краевского, который беспощадно эксплуатировал В. Г. Белинского и других литераторов.

– Э! помилуйте, какие литературные промышленники[2], – перебил я моего знакомого... (Мой предшествовавший с ним разговор не может быть интересен читателям, и потому я не сообщаю его). – Что вы разумеете под литературным промышленником? Все издатели газет и журналов, по-вашему, литературные промышленники, потому что все они рассчитывают на возможно большее число подписчиков и увлекают их перед подпис-

кой различными заманчивыми объявлениями, разумеется, в надежде больших барышей. В каждом, самом идеальном литературном предприятии есть сторона материальная, промышленная, коммерческая...

– Я это очень хорошо знаю, – перебил меня мой знакомый, – я очень хорошо понимаю, что, может быть, самый честный издатель журнала или газеты, человек с благородными убеждениями, с умом, знаниями, желает получить небольшое вознаграждение за свой труд – это дело понятное; но такой господин не может назваться литературным промышленником, потому что он не загребает жар чужими руками, не обманывает и не обсчитывает своих талантливых сотрудников, не эксплуатирует ими.

– Поверьте, в настоящее время, – перебил я в свою очередь, – торговать чужим умом невозможно, даром теперь никто не работает, эти идеальные времена безвозвратно минули; теперь литературный труд оценивается недешево... Нет-с, теперь эксплуатировать не только талантливыми, но и бесталанными сотрудниками трудно...

– Тем лучше, – сказал мой знакомый, – но тем не менее литературные промышленники и эксплуататоры существовали и существуют, только теперь они обезоружены с прекращением журнальных монополий. В старые годы бывало не так; в старые годы мало совестливый журнальный монополист что хотел делал с своими сотрудниками, потому что от него им уйти было некуда...

Да вот я лучше передам вам некоторые материалы для биографии одного из таких монополистов – я его коротко знаю. Из этого вы увидите, что такое я разумею под литературным промышленником.

Я назову его хоть Петром Васильичем из скромности, потому что надобно же как-нибудь называть человека. Я познакомился с Петром Васильичем через год после приезда его в Петербург. Петр Васильич находился тогда на службе и пользовался уважением нескольких тупоумных господ, которые без уважения к кому бы то ни было существовать не могут... Эти господа говорили про него: «У! да какой он умница, какой ученый!.. Какую он, говорят, статью написал!». Петр Васильич,

действительно, перевел с французского какую-то статейку о каком-то слабом французском философе и долго возился с ней, придавая ей огромное значение и читая ее своим знакомым, имевшим вес в литературе, которым он был представлен именно вследствие этой статейки. В ту эпоху еще литературные, поэтические и ученые репутации доставались у нас очень легко, так что вследствие своей переводной статейки Петр Васильич прослыл чуть не мудрецом. Надобно заметить, что этому немало способствовала наружность Петра Васильича. Выражение лица его было постоянно глубокомысленное, а густые брови несколько надвигались на большие глаза, в которых, казалось, так и сверкал ум. Наружность его была до того обманчива, что, признаюсь, в первые минуты моего знакомства с Петром Васильичем я был также уверен, что он человек глубокомысленный и ученый... Меня вводили в заблуждение именно эти чудно сверкавшие глаза и эта густая, оттенявшая их бровь... К тому же Петр Васильич по своей натуре принадлежал к так называемым *медным лбам*, которые этим лбом

весьма удачно пробивают себе дорогу; он говорил отрывисто и резко, задумывался, покачивал строго головою, нередко значительно мычал, словом, имел что-то внушающее и действовал сильно, в особенности на прямые, открытые, но слабые характеры. Даже впоследствии, когда Петр Васильич совсем обнаружился, он внушал нечто вроде страха людям очень умным и образованным, но робким.

После своей переводной статейки, более или менее сблизившись с известными литераторами, Петр Васильич, делавшийся все смелее и смелее, уже пробовал *сочинить* статейку и назвал ее «Взгляд на Россию». В этом новом произведении своего пера он доказывал, что Россия – шестая часть света, не имеющая ничего общего с пятью остальными и долженствующая управляться собственными законами, не имеющими ничего общего с общечеловеческими законами. Такая оригинальная мысль, несмотря на свою нелепость, понравилась некоторым. Один из этих некоторых, человек очень почтенный и имевший в то время литературное значение, страстный

охотник до всего оригинального, хотя бы во вред здравого смысла, взял Петра Васильича под свою протекцию. Этот почтенный и необыкновенно добродушный господин был первою ступенью к возвышению Петра Васильича. Перешагнув ступенью выше и не имея более надобности в добродушном господине, Петр Васильич взглянул на своего благодетеля свысока и с насмешкою отвернулся от него. Известно, что литературные промышленники – люди без сердца. Но под защитою его авторитета Петр Васильич начал издавать литературный листок. О цели, о мысли, о направлении издания в то время мало заботились, да, признаться, заботиться-то об этом было бесполезно. Сам Петр Васильич не знал, во имя чего он будет подвизаться на журнальном поприще, потому что, кроме остроумной мысли, что Россия – шестая часть света и прочее, у него никакой другой мысли в голове не было, да и эта мысль вовсе не была его убеждением, а так, через других, как-то случайно забрела к нему в голову, и он поспешил воспользоваться ею собственно для того, чтобы обратить на себя внимание.

Увидев перед собою впервые кучи денег при подписке и груды пакетов с пятью печатями, Петр Васильич затрепетал от внутреннего удовольствия. Мысль *нажиться* посредством литературы сознательно блеснула перед ним, когда он подрезывал пакеты и жадными, многовыразительными глазами своими пожирал увеличивающуюся кучку ассигнаций. Как человек аккуратный и положительный, Петр Васильич устроил отлично бухгалтерскую часть, сам вел приходные и расходные книги, не упуская ни одной копейки, и, испытав на опыте прелесть получения и горечь уплаты, мало-помалу начал удерживать от своих сотрудников в пользу собственного кармана сначала копейки, потом рубли, а потом и десятки рублей. Он смотрел на своих сотрудников с некоторым ожесточением и завистью: с ожесточением потому, что им надо было платить деньги; с завистью потому, что его внутренний голос иногда нашептывал ему, что голова его тупа и туга и не способна ни к какому умственному труду. Заглушая этот неделикатный голос, который часто тревожит самые свинцовые натуры в начале

их поприща, Петр Васильич в утешение называл своих сотрудников презрительным именем *борзописцев*, что не мешало ему иногда приписывать себе те из статей борзописцев, которые обращали на себя особенное внимание публики. Удерживать себе частички из вознаграждения, следующего за чужой труд, — дело, конечно, непохвальное и недобросовестное, но присваивать себе чужую мысль, чужой труд, посягать на ум и познания ближнего, рядиться в чужие блестящие перья, как ворона в басне, — еще недобросовестнее, и я упоминаю об этом грустном для человечества факте только потому, чтобы несколько оправдать человека и показать, до чего иногда может довести его несвойственный ему путь и ложное положение, в которое он по необходимости ставит себя на таком пути. Петр Васильич родился для счетов, для ведения конторских книг, для занятия винными откупами или чем-нибудь подобным. Вся цель его жизни, все его убеждения заключались в деньгах.

Какой-то остроумный американец уверял, что весь нравственный катехизис американцев заключается в следующем:

Что такое жизнь? – Определенное время для приобретения денег.

Что такое деньги? – Цель жизни.

Что такое человек? – Машина для приобретения денег.

Это был также нравственный катехизис Петра Васильича. Подобно очень многим, он считал только тех людей гениальными и умными, которые приобретали или составляли себе капиталы какими бы то ни было средствами. Такого рода людей он уважал и внутренне преклонялся перед ними как перед авторитетами. Талант, ум, образование, мысль без денег и без умения приобретать он явно презирал бы, если бы не попал случайно на литературную стезю, где и с огромными капиталами, но без таланта, ума, образования и мысли существовать нельзя. Он понимал это; он чувствовал, что ему надобно было какими-нибудь средствами держаться на высоте своего редакторского величия, что для удержания равновесия ему недостаточно было переводной статейки о французском философе и оригинальной – о том, что Россия – шестая часть света... и он прибегнул к присвоению

чужой не вещественной собственности – средство печальное и ненадежное, потому что ведь правда рано или поздно должна была открыться...

Но не бросайте в него камня, читатель. Он нес тяжкое нравственное наказание. Вы не знаете, какая страшная пытка – без знаний, даже без простой начитанности, без всякого эстетического вкуса, с одними конторскими способностями разыгрывать роль литературного судьи, иметь беспрестанные сношения с людьми более или менее талантливymi, начитанными, мыслящими, прикидываться всепонимающим, всезнающим, литератором между литераторами, ученым между учеными и трепетать каждую минуту, чтобы не обнаружить своего безвкусия и невежества; не иметь возможности поддерживать никакого продолжительного серьезного разговора и только от времени до времени повторять с важным видом знатока и с нахмуренными бровями: «Ну да, разумеется, так» или даже просто глубокомысленно мычать!.. Самолюбие, уязвляемое каждую минуту, терзало бедного литературного промышленника и раз-

дражало его желчь, которая, не выливаясь из-под пера, потому что пером он владел плохо, только пятнами выступала на его лице. И какие жалкие меры употреблял, бывало, Петр Васильич для прикрытия своего ничтожества!.. Он заказал себе огромный стол, целое здание необыкновенного устройства с закоулками, башенками, полками, ящичками, и на верхней полке поставил бюст какого-то немецкого философа, но увы! и это остроумное изобретение принадлежало не ему: он видел подобный стол в кабинете какого-то литератора или ученого; в подражание этому ученому или литератору он заказал себе также какой-то необыкновенный домашний костюм, вроде того, который носили средневековые ученые и алхимики; окружил себя различными учеными книгами, которых он никогда не раскрывал, и среди такой обстановки с необыкновенною важностью принялся... исправлять грамматические ошибки в корректурных листах!.. Уродливый стол, алхимический костюм, ученые книги, звание редактора и строгий, таинственный и глубокомысленный вид, данный ему природою как бы в

насмешку, наводили в первое время некоторый страх на литературных новичков, и Петр Васильич, замечая это, успокаивал на время свое самолюбие. Иногда он решался вступать в краткие и неудачные споры с известными литераторами о каких-нибудь литературных явлениях.

– Это славная вещь, что вы ни толкуйте, серьезное произведение, – говорил он, – тут виден и талант, и наблюдательность, и поэзия... Славная, славная вещь!

– Ничего тут нет, – возражал ему хладнокровно литератор, – произведение это самое посредственное, – и доказывал ему очень ясно, что в этом произведении нет ни таланта, ни наблюдательности, ни поэзии...

– Нет, нет, как можно, – повторял Петр Васильич, – позвольте, это прекрасная вещь...

Но обыкновенно через месяц, а иногда и ранее, нимало не смущаясь, об этом самом же произведении и тому же самому литератору слово в слово повторял его мнение, выдавая его за свое собственное.

Такие комические сцены повторялись беспрестанно.

Приобретя чужим умом и собственною аккуратностью небольшие средства, некоторую внешнюю опытность для журнального дела, литературные связи, кредит типографщиков и бумажных фабрикантов и увлекаемый все более и более жаждою приобретения, Петр Васильич затеял обширное издание и вознамерился превратить свой листок в журнал. Он сообщил мне свои планы.

– Все это прекрасно, – сказал я, выслушав его, – но для этого вам необходимо прежде всего приобрести серьезного человека, с талантом и убеждениями, который мог бы дать цвет и жизнь вашему журналу. Для такого предприятия недостаточно одного громкого объявления с обещаниями и с бесчисленными именами...

– Да, да, да; это правда, – сказал Петр Васильич, нахмутив брови и кивая головою. – Но я, право, не знаю, кого бы пригласить для этого дела?

Я назвал ему человека[3], обращавшего на себя в то время всеобщее внимание своей умной, энергической и смелой критикой, своим свободным и самостоятельным взглядом и го-

рячими убеждениями, в короткое время приобретшего жарких защитников и ожесточенных врагов.

Петр Васильич замотал с неудовольствием головою и воскликнул:

– Полноте, как вам не стыдно. Что за охота связываться с мальчишкой[4], неимеющим никакого прочного звания, с пустым крикуном...

Этим и кончился наш разговор. Разуверять Петра Васильича было бы бесполезно...

Он начал свое новое издание, выписав для заведования критическим отделом, который считался тогда самым важным отделом в журнале, своего старинного приятеля[5], писавшего водевили, куплетцы, повести, стишки и рутинные статейки по части теории словесности, которые Петру Васильичу казались серьезными и учеными статьями.

Петр Васильич принял его с чувством и чуть не со слезами, как будущую подпору своего издания, как средство для увеличения своих подписчиков и доходов, и потому с нежностью прижал его к груди своей.

Прошло несколько месяцев; я уехал из Пе-

тербурга... Вдруг, совершенно неожиданно, в один прекрасный день получаю письмо от Петра Васильича...

Знакомый мой остановился на минуту, достал из своего портфеля письмо и подал мне его.

– Вот прочтите, если хотите, – сказал он, – это материал для истории русской журналистики. Я хотел его отослать к М. Н. Лонгинову. В этом письме вы познакомитесь с слогом литературных промышленников.

...«Христа ради, – писал Петр Васильич, – хлопчите сами и подбейте Н. и П., чтобы вырвать у Б * [6] (писатель, пользовавшийся в то время огромным успехом) статью для моего журнала. С *** сказывал мне, что Б * через месяц будет в Петербурге. Его статья необходима: надобно употребить все средства, чтоб получить ее. Не пишу к нему сам, потому что эти вещи не делаются через письма, особенно с ним. Растолкуйте ему *необходимость поддержать мой журнал всеми силами*. Если же он сделался равнодушен к судьбам „русской словесности“, чего я и ожидаю, *покажите ему вперед за статью хорошие деньги*, в

которых он, верно, очень нуждается. Если же ничто не возьмет, то надо дождаться приезда его сюда и *напасть на него соединенными силами...*

Я теперь ясно вижу, что мой Л * не годится для дела, для которого я его выписал, поговорите с Б * (с тем самым, которого Петр Васильич полгода назад перед этим называл пустым мальчишкой, крикуном), я желал бы передать ему весь критический отдел: *он одушевит журнал, я в этом убежден.* Средства мои теперь недостаточны, и я не могу ему предложить более 3500 руб. асс. в год, это максимум; убедите его согласиться. Я буду душевно рад его сотрудничеству, *ибо уважаю его.* Низкий поклон ему от меня...»

– Б * был тогда в стесненных обстоятельствах, – продолжал мой знакомый, когда я кончил письмо и возвратил его, улыбаясь, – и должен был согласиться на условия Петра Васильича.

Надо заметить, что еще Петр Васильич не успел в эту эпоху вполне обнаружиться, хотя уже было видно, что с ним надо действовать осторожно. Я заметил об этом Б *. «Что же мне

делать? – отвечал он. – Мне нет другого выхода, как согласиться на его условия или умереть с голоду; я даже готов идти в сотрудники не только к нему, но к Ф., если он согласится принять меня с моими убеждениями, потому что я лучше соглашусь умереть с голода, чем изменить своим убеждениям».

Дело было решено, и я приехал в Петербург вместе с Б * и в тот же день привез его к Петру Васильичу.

Петр Васильич задолго уже до этого вышел в отставку, чтобы свободнее посвятить себя литературной коммерции. Он лично объяснился с Б *, приняв его, как принимал всех нужных людей, приветливо и ласково, как только мог по своей грубой натуре. С той минуты Б * принялся за труд с свойственной ему горячностью. Несмотря на ничтожную плату, он отдал всего себя труду, положил в него всю свою благородную, горячую душу, работал день и ночь, а Петр Васильич, глядя на него, только ухмылялся и потирал от удовольствия руки, повторяя: «Молодец, ей богу молодец! Больше печатного листа в день может отмахивать!». И, пользуясь этим, Петр Ва-

Васильич стал присылать к нему для обзора кроме серьезных книг всевозможные книжонки: азбуки, детские грамматикки, сонники и тому подобные, чтобы не платить за них другим. Б * при своем глубоком уме, широком и светлом взгляде, при своей духовной энергии был совершенный младенец в практической жизни: у него не доставало духу объясняться с Петром Васильичем, что в условие его с ним не входил разбор всяких ничтожных книжонок, что он и без них завален работой. Просить об увеличении годовой платы ему и в голову не приходило, потому что Петр Васильич беспрестанно жаловался на то, что не может свести даже концы с концами, несмотря на то, что слухи об увеличивающейся подписке на издание его становились все громче и громче... Петр Васильич тотчас же смекнул, что он нашел в новом своем сотруднике клад и что он может эксплуатировать его, сколько душе угодно. Подчиняясь ему совершенно в моральном отношении и позабыв о том, что Россия – шестая часть света, долженствующая управляться особыми законами, он сам, не замечая того, начал вслед за

Б * повторять его мысли, выдавая их за свои собственные, как будто всегда принадлежавшие ему.

Он даже стал с некоторым ожесточением нападать на тех, чей образ мыслей несколько клонился к тому, что Россия – шестая часть света, и почему-то враждебно начал относиться вообще к славянскому племени[7], повторяя: «Славянин, братец, славянин! Чего ждать от славянина!».

Смешно и жалко было смотреть, как он, морально подчиняясь своему сотруднику, не хотел обнаруживать этой подчиненности перед другими, полагая, что этой очевидной истины никто не подозревает. Когда Б * советовал, например, ему велеть перевести какую-нибудь статью для журнала, Петр Васильич упирался, хмурил брови, качал головою и говорил: «Это совсем не нужно, это бесполезно, к чему это?», а через неделю сам говорил Б * о необходимости перевести эту самую статью, как будто мысль об ней ему первому пришла в голову.

С каждым годом журнал Петра Васильича приобретал все больший и больший успех по

милости его сотрудника, который вложил в него жизнь, силу и направление, оставаясь неизвестным для большинства публики, потому что имя его никогда не являлось в печати. Вся слава успеха относилась к Петру Васильичу, и даже те немногие, которым была известна тайна редакции, повторяли иногда: «А надобно отдать справедливость Петру Васильичу: он мастер вести журнальное дело!». Эти господа забывали, что он только вел конторские счета и заставлял терпеть всю тяжесть нужды того, которому был обязан всем – и успехом, и славою, и деньгами; того, который силою своего авторитета и своей энергической, благородной личности соединил вокруг себя всех молодых писателей того времени. Теперь это покажется баснословным, но все они трудились для журнала Петра Васильича бесплатно, даром, со всею любовью и жаром молодости, поощряемые тем, кого они высоко уважали и ценили, а Петр Васильич только самодовольно улыбался исподтишка и собирал деньги, беспрестанно жалуясь на безденежье. Петр Васильич постоянно избегал общества сотрудников, потому что в

их присутствии и особенно в присутствии Б * он чувствовал себя неловким, уничтожаясь морально, и в утешение себя рассматривал этих безукоризненных слугителей мысли как идеальных пустых мальчишек, годных только на то, чтобы писать даром статьи в его журнал и доставлять ему средства разжиться; он составил свой собственный, задушевный круг из людей дельных, практических, наживавшихся посредством откупов, процентов и других тому подобных промыслов; в этом кругу он царил; там удивлялись его уму, его образованию, его учености; там он говорил бойко, смело и резко, и все слушали его с благоговением; там он был авторитет, оракул; там все предполагали, что он один сочиняет весь свой журнал или по крайней мере те статьи, которые печатаются в нем без имени; он даже сам любил намекать об этом, повторяя беспрестанно: «Мой журнал, я написал (хотя он ничего не писал), „я составил“ (хотя он ничего не составлял)...» Он так и выставлял собственное я при всяком удобном или неудобном случае, и, если когда-нибудь кто-нибудь спрашивал его о Б *, он

почти с равнодушным презрением отвечал: «Да, он у меня пишет кое-какие статейки».

А он, этот человек, который писал *кое-какие* статейки, двигал всем и животворил своим духом все издание, а он в поте и крови работал день и ночь, до изнурения своих физических сил!

Я зашел к нему однажды. Он ходил по комнате и размахивал с усилием правою рукою.

– Что это с вами? – спросил я.

– Рука отекла, – отвечал он, – я десять часов сряду писал, не вставая с места. Нет сил больше; за эту плату так работать невозможно. Я весь в долгах, эти долги не дают мне покоя... Наконец, я выйду из терпения и объявлю наотрез Петру Васильичу, что он должен мне прибавить или я откажусь от всего.

Десять раз он входил к Петру Васильичу с этим намерением и уходил ни с чем, потому что у него язык не повертывался. Он проклинал свою глупую совестливость и робость и горько смеялся над самим собою.

Наконец, в городе начали ходить слухи, что дела Петра Васильича идут великолепно, что он уже капиталец составляет; но когда

бескорыстные сотрудники решились после этого объявить Петру Васильичу, что теперь они не намерены более трудиться для его журнала даром и надеются, что он прибавит плату Б *, Петр Васильич изменился в лице, побледнел, пожелтел и забормотал своим грубым, отрывистым голосом: «Что за вздор! Кто это вам сказал?.. Охота вам верить всякому вздору», и начал клясться, что он еще не все долги уплатил, что он находится все еще в стесненных обстоятельствах и тому подобное, однако признал необходимость прибавить Б * какую-то ничтожную сумму.

Бескорыстным сотрудникам своим он начал платить только тогда, когда обстоятельства принудили его к этому: в Москве затевался новый журнал, и поговаривали о том, что его разрешат не в пример другим... Те, которые намеревались издавать его, обратились к бескорыстным сотрудникам Петра Васильича, обещая им значительное вознаграждение за труды... Сотрудники показали это письмо своему журнальному антрепренеру. Петр Васильич в этот раз пожелтел еще заметнее, – у него разлилась желчь, и он не шу-

тя призадумался.

– Ну что за вздор, – забормотал он с свойственной ему мрачностью, – как не стыдно перебегать из одного журнала в другой?.. Полноте, у них там будут свои сотрудники... Надожно уж держаться одного журнала... Что такое... Это недобросовестно!

Добросовестность было любимое слово Петра Васильича, которое почти не сходило у него с языка. Он почитал себя добросовестным издателем в противовес какому-то другому, недобросовестному...

– Вы нам не платите ничего за наш труд, а там мы будем получать за него вознаграждение, – возразили сотрудники, – так уж извините...

– Ну полноте, полноте, – перебил Петр Васильич, – ну что такое... Я вам буду тоже платить...

– Но вы не заплатите нам таких денег, которые обещают нам в этом письме, – заметили сотрудники, начинавшие уже приобретать практическую опытность.

Петра Васильича покорибило, как лист на огне, и из стесненной груди его вырвались

глухие слова:

– Ну! ну! пожалуй, я вам заплачу такие же деньги.

Это была минута торжественная. Талант и труд победили в эту минуту антрепренерство и торговлю чужим умом, познаниями и талантом... С тех пор корыстолюбивые литературные промышленники не смеют уже помышлять о даровом, бескорыстном труде в свою пользу...

Когда Петр Васильич окончательно разоблачился, когда маска была сдернута с лица его и Б * решил оставить его издание, Петр Васильич имел смелость печатно уверять публику, что Б * был в его издании так, одним из обыкновенных сотрудников, что его удаление пройдет незамеченным и прочее в этом роде. Петр Васильич пошел далее: убеждения человека, который дал его журналу мысль и значение, он бесцеремонно усвоил себе и гордился тем, что служил *честно* общественному делу. Вот что называется загребать жар чужими руками, вот что такое разумею я под именем литературного промышленника!

В составлении комментариев принимал участие Л. Н. Арутюнов.

Примечания

Впервые опубликовано в журнале «Современник», 1857, № 12, в отделе «Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта». Печатается по тексту: *И. И. Панаев*, Собрание сочинений, т. 5, М. 1912.

[^^^]

«Литературные промышленники». – Здесь характеризуются издатели газет и журналов, которые ведут дело не из идейных соображений, а для получения прибыли. В фельетоне Панаева говорится об издателе «Отечественных записок» А. А. Краевском.

[^^^]

«Я назвал ему человека...» – Речь идет о подлинном факте: И. И. Панаев рекомендовал Краевскому в качестве критика В. Г. Белинского.

[^^^]

4

«Мальчишка...» – так презрительно называл Краевский В. Г. Белинского.

[^^^]

«...своего старинного приятеля...» – В. С. Межевича, который вел в течение нескольких месяцев отдел критики и библиографии в «Отечественных записках».

[^^^]

Б * – В. Г. Белинский.

[^^^]

«...враждебно начал относиться вообще к славянскому племени...» – Краевский, видя успех «Отечественных записок», созданный участием Белинского и Чернышевского, принял позу крайнего западника.

[^^^]